

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

УДК 159.9.01; 159.9:001.8 (15.01.07)

Т. И. Чиркова

ЭТЮДЫ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ФАКТОРОВ ПСИХОЛОГИИ РАЗРУШЕНИЯ

В статье обсуждается проблема отсутствия систематизированных знаний о принципах, способах, методах и правилах изучения психологии разрушения в психологической науке и практике. Анализируется необходимость изучения закономерностей разрушения, диспропорционально по сравнению с категорией «развитие» представленных в педагогической психологии. Обосновывается необходимость включения в подготовку специалистов гуманитарного профиля специальной дисциплины «Психология разрушения». На основе методологического анализа современных разрушительных тенденций в культуре, воспитании и образовании дано описание основополагающих факторов психологии разрушения: утраты смысла жизни – экзистенциального вакуума; доминирования мотивации материального потребления в ущерб духовному развитию и творчеству. Особое внимание уделено описанию феноменологии психологического разрушения в молодежной среде и технологиям профилактической работы по его предупреждению.

Ключевые слова: методология психологии разрушения, факторы разрушения, «экзистенциальный вакуум», ноогенный невроз, доминирование потребительских отношений, вандализм, девальвация коммуникативных связей.

Антропологический поворот современной психологической науки к обсуждению сложнейших философских вопросов бытия, сущности и смысла жизни привел к необходимости методологического сравнительного анализа «психологии развития» и «психологии разрушения».

Одной из существенных особенностей современного социального мира является проявление разрушительных тенденций в культуре, воспитании и образовании. Например, выявлено, что в школьной системе разрушительными тенденциями обладают такие факторы, как: бессистемность и хаос, отсутствие четких правил, требований, традиций, попустительство и вседозволенность; сепаратизм, расслоение в группах сверстников; безразличие к безнравственным поступкам; интеллектуальная пассивность; подчинение другим наиболее сильным; безнадзорность со стороны взрослых и др. В ряде исследований выявлены разрушительные последствия зависимости от компьютерных игр, телепередач, демонстрирующих насилие, жестокость, вандализм. Изучаются средства современного информационного террора, воздействия фактора экологического кризиса, нагнетания страха по поводу апокалипсиса и т. д. Анализируются причины падения культуры и возникновение контркультур, направленных на осквернение церквей, святых мест, памятников, традиций. Исследуются явления, разрушающие психику человека, – несправедливость, обиды, унижения, порождающие снижение уровня самооценок и самоконтроля, интеллектуальную и социальную пассивность. Особую озабоченность вызывают разрушения нравственности и девальвация коммуникативных связей [1, 2]. Это ставит задачи целенаправленной работы с фактами разрушения, а соответственно, подготовки студентов к ней. Учебная дисциплина

«Психология разрушения» должна занимать значимое место в формировании этических ценностей, смыслов, принципов в профессиональной подготовке специалистов любого профиля, но особенно педагогов, психологов и врачей.

Т. В. Мещерякова, О. В. Герасимова в статье [3, с. 173] пишут: «Анализ „этического квадрата“ в применении к моделям поведения врачей позволяет сделать вывод о важности формирования у студентов-медиков базовых профессиональных моральных ценностей, таких как милосердие, сострадание, забота, ответственность, и умения реализовывать их в любой модели врачевания».

Успешность реализация этих задач во многом будет зависеть от разработки методологии изучения феноменологии психологического разрушения, а также технологий профилактической и практической работы в проблемном пространстве его действия. Для этого необходимо приведение в соответствие изучения в высшей школе категорий развития и разрушения, диспропорционально представленных в психологии. Законы развития анализируются во многих дисциплинах, им посвящена самостоятельная отрасль психологического знания «Психология развития». Психологии разрушения как целостного учебного курса в ФГОС подготовки психологов и педагогов нет. Знания о психологическом разрушении, восприятии его человеком представлены фрагментарно (теориями единичных форм). Создается иллюзия, что все это разрозненные явления, не имеющие общей методологической основы, объясняемые на уровне догадок, откровений.

Принципы, средства, методы, правила экспериментального изучения законов психологического развития имеют давнюю историю и значительные достижения, а экспериментальные исследования психологии разрушения, по этическим соображениям, значительно ограничены [4].

Среди методологических проблем психологического разрушения особенно важной является проблема изучения его как закономерной необходимости существования любых психологических реальностей, а также выявление системообразующих факторов, имеющих значительные разрушительные для личности тенденции [5].

В данной статье в жанре методологических этюдов обсуждаются два фактора: *утрата людьми смысла жизни – «экзистенциальный вакуум» и потребительское отношение человека к вещному, предметному миру*. Жанр этюда методологического анализа факторов разрушения выбран не случайно, потому что объем информационного ресурса о феноменологии разрушения настолько необозрим, что в нем трудно выделить главное и «фон». Этюд от латин. studium – усердие, старание; франц. etude – учение, изучение; нем. Etüde, англ. study, etude, итал. studio – упражнение. Могут быть этюды не только в изобразительной, музыкальной, но и в других видах деятельности человека. Философские, литературные, научные очерки тоже относят к этюдам [6].

Утрата человеком смысла жизни – «экзистенциальный вакуум» как основополагающий фактор психологии разрушения

Понятие «смысл» имеет многозначную интерпретацию. «Смысл – способность понимания, постижение, разум; способность судить, делать заключения; отчет в делах своих, или способность обсуждать причины и правильность действий; помышление, убеждение, мысли, желания, стремления...» [6, с. 410]. В контексте анализа психологии разрушения выделяются следующие сущностные характеристики и закономерности возникновения смысловой сферы человека.

Смысл – интегральная характеристика сознания и деятельности человека, показатель уровня развития мотивационной сферы личности. А. Н. Леонтьев писал, что «проблема

смысла – это последнее аналитическое понятие, венчающее общее учение о психике, так же как понятие личности венчает всю систему психологии» [7, с. 3].

Смысл является средоточием синергического порождения взаимодействия составляющих познания, эмоции (переживания) и воли (действия). Многие авторы суть термина «смысл» рассматривают только как явление сознания. Принципиально иной подход в интерпретации понятия «смысл» был осуществлен в работах Л. С. Выготского и А. Н. Леонтьева, поскольку они рассматривали проблемы развития смысла с точки зрения не просто сознания, а прежде всего с позиций онтологии жизни и деятельности человека.

С. С. Аванесов во вступительном слове к дискуссии [8] отметил, что соотношение понятия цели жизни и смысла жизни имеет сложную взаимосвязь. «Во всяком случае, очевидно, что *цель* жизни обесценивает ее отдельные моменты как вспомогательные или промежуточные „средства“, а *смысл* жизни выявляет ценность всякого ее момента» [8, с. 147].

Смысл создается в результате отображения субъектом отношений и тем, на что его *действия* направлены. Смыслообразующая в этом отношении принадлежит мотиву. Возникая в деятельности, смыслы становятся единицами сознания, вступают в отношения с другими его составляющими. Значение того или иного события у человека формируется в определенной среде и отражает ее наиболее существенные связи и отношения. Таким образом, смыслы представляют и отражение, и переживание данного значения в сознании отдельного человека. «Смысл в отрыве от переживаний – это логическая конструкция, а переживания в отрыве от смысла – это, скорее, физиологическая категория», – писал Ф. В. Бассин [9, с. 22].

Эмоциональную сторону смысла определяют термином «значимость». Одной из закономерностей онтогенеза значимых смыслов человека является неразрывная их связь с нравственной сферой. Ярким примером этой закономерности могут служить смыслы, которые проявляются в конкретных действиях профессионалов, сущностные смыслы их не могут быть оторваны от общечеловеческих ценностей и духовно-нравственной составляющей. Например, в дискуссии о профессиональных смыслах нами было предложено студентам – будущим психологам обсудить нравственную сторону смысла деятельности репортера – обозревателя экстремальных событий. Для анализа был взят факт: «Весной 1993 года К. Картер приехал в одну из маленьких деревень голодающего Судана. Однажды он увидел на земле маленькую девочку, умирающую от голода. Она лежала, скрючившись, уткнувшись лицом в землю. Живой скелет, но все еще живой. Чуть в отдалении от ребенка сидел стервятник, ожидая пока она умрет. К. Картер схватился за камеру и сделал несколько снимков, стремясь поймать момент, когда гриф живописно распахнет крылья. Девочка еще пыталась ползти. Закончив фотосессию, К. Картер ушел. Как только он вернулся из Судана, фотографию купил «Нью-Йорк Таймс», и 26 марта 1993 г. она была опубликована. Позже за снимок «Голод в Судане» фотограф был удостоен престижной Пулицеровской премии. «Не могу дождаться встречи и показать вам свой трофей. Это – самое высшее признание моей работы, о котором я не смел и мечтать», – писал он об этом своим родителям.

Спустя два месяца фотограф Кевин Картер покончил с собой. В его предсмертной записке было: «Меня преследуют воспоминания об убийствах и трупах и злости и боли... о голодных или раненых детях».

Анонимный опрос студентов об отношении их к этому факту показал: свыше 80 % из них признали действия репортера безнравственными, хотя и профессиональными («он показал всему миру гуманитарную катастрофу в Африканских странах»).

Термин «смысл», содержащий в себе онтологию сознания и деятельности, прочно соединился с сущностью жизни и приобрел статус понятия «смысл жизни» как интегральная смысловая ориентация конкретной личности, как социально-идеологическая модель пове-

дения и деятельности должного, как мотивы жизнедеятельности группы или большого общества.

В методологическом анализе закономерностей порождения и разрушения смыслов жизни людей особую значимость имеет понимание с позиций «культурно-исторической психологии» характера взаимосвязи отдельных явлений между собой. Е. Е. Соколова пишет: «По мнению постмодернистов, все связано со всем „ризомой“, „паутиной“, „сетью“, центр находится в любой точке и т. д. Согласно диалектической логике, хотя все и связано со всем, при построении теории следует принимать во внимание лишь *существенные* связи явлений, отбрасывая те, которые являются внешними по отношению к природе изучаемой целостности...» [10, с. 132]. В отечественной психологии деятельность рассматривается как субстанция, как сущность, лежащая в основе сознания человека и психики в целом. Существенной функцией деятельности является «...полагание субъекта в предметной действительности, преобразование ее в *форму субъективности*, ориентация субъекта в его мире и регуляция – на основе построенного образа этого мира...» [7, с. 73]. Это положение позволяет раскрыть связь механизмов смыслов жизни субъекта, их уровней и состояний с механизмами развития и психологии разрушения.

«Приобретение смысла жизни это вопрос не познания, а призвания. Человек не изобретает или интеллектуально конструирует смысл своей жизни, а находит его посредством конкретных действий» [11, с. 248]. Анализируя работы В. Франкла, Д. А. Леонтьев пишет: «...человек не может лишиться смысла жизни ни при каких обстоятельствах; смысл жизни всегда может быть найден. Как показывают исследования, возможностей обрести смысл жизни много. Смысл жизни доступен любому человеку, вне зависимости от пола, возраста, интеллекта, образования, характера среды и религиозных убеждений... Смысл жизни в феноменологическом аспекте – адекватное переживание интенциональной направленности собственной жизни» [11, с. 248–249].

Главным источником смыслообразования является не просто осознанное представление о смысле жизни, а «насыщенность реальной повседневной жизни реальным смыслом» [11, с. 249]. Попытки сконструировать себе смысл жизни только интеллектуальным актом быстро опровергаются самой жизнью. Подтверждением этой закономерности может быть утрата прежних смыслов жизни населением, особенно молодежью, стран «социалистического лагеря» при смене политических, экономических, социальных формаций.

Недостаточность конструирования смыслов жизни человека только интеллектуальным путем, однако, совсем не отрицает значимости осознанного отношения и оценки им смысла своей жизни в целом. Например, в экстремальных ситуациях обязательно возникает необходимость осознанного выбора смысла жизни. Д. А. Леонтьев выделяет несколько возможных вариантов осознания смыслом жизни. «*Неосознанная удовлетворенность*. Это жизнь, протекающая гладко и без рефлексии и приносящая чувство удовлетворения, не побуждая к раздумьям о ее смысле. *Неосознанная неудовлетворенность*. Человек испытывает фрустрацию, пустоту, неудовлетворенность, не осознавая причин этого. *Осознанная неудовлетворенность*. Человек испытывает чувство отсутствия смысла и активно, осознанно и целенаправленно этот смысл ищет. *Осознанная удовлетворенность*. Человек в состоянии дать себе отчет в смысле своей жизни, это осознанное представление не расходится с реальной направленностью жизни и вызывает положительные эмоции» [11, с. 250]. Реалии жизни XXI в. – социальная неопределенность, военные конфликты, разрушение межнациональных отношений, экономические и политические кризисы – поставили перед человеком необходимость делать нравственные выборы и самостоятельно определять свои жизненные пути. Это, естественно, породило множество вариантов осознанности – неосоз-

нанности смысла жизни. Например, выделяемый Д. А. Леонтьевым как особый случай «вытеснение смысла жизни» сейчас стал настолько распространенным, что его включают в классификацию вариантов смысла жизни в первую очередь. В. Э. Чудновский выделяет «смыслы эрзацы», которые «как будто дают возможность человеку легко и быстро достичь удовлетворения жизнью, минуя трудности поиска ее подлинного смысла» [12, с. 75]. (Например, на место разрушенной мотивации стремления к достижению материального успеха путем трудовых усилий телевизионные передачи типа «Кто хочет стать миллионером», «Поле чудес» и т. п. формируют мотивацию достижения материального успеха путем эмоционально привлекательной игры.)

Смысл жизни уникален для каждого человека, но по большому счету он является результатом его общественного бытия, в которое он включен либо помимо своей воли, либо активно сам выбрал свой стиль жизни. Например, В. Н. Дружинин дал описание варианта стиля жизни – «жизнь против жизни» на примере смыслов жизни тех, кто участвовал в так называемых «локальных военных конфликтах» конца XX столетия, пережил «неуставные отношения», «дедовщину», «психологический террор» в армии [13, с. 109–127].

Эта закономерность смыслообразования раскрывает динамику саморазвития смысла в форме «переходов от одного носителя к другому». Например, подражание стилям жизни, таящим в себе угрозу психологического разрушения, таким как: «жизнь начинается завтра, жизнь как предисловие»; «погоня за горизонтом»; «жизнь как сон»; «жизнь – трата времени»; «жизнь против жизни» [13]. Стремление к успеху в жизни любой ценой, заимствование стиля жизни другой национальной культуры, людей другого классового сословия и иного материального достатка. Эту закономерность широко используют в психотехнологиях, в СМИ в целях разрушения культурных, нравственных ценностей у молодежи [2].

Смыслы жизни обладают созидательной и разрушающей мотивационной силой. Например, при наличии высокого уровня саморегуляции, глубокого осознания человеком смыслов жизни факторы, влияющие даже на биологическое существование, теряют свою силу воздействия. Это доказали на собственном опыте в условиях фашистских лагерей В. Франкл и другие [14]. Экзистенциальный анализ жизни и смерти человека в лагере, осмысление онтологии психологии разрушения, описание психологических защит против полного личностного разрушения в условиях концлагеря, проделанный В. Франклом, позволили выявить возможности преодоления действия разрушающих факторов на основе поиска смысла жизни. Анализируя работы В. Франкла, В. Д. Дружинин подчеркивал, что идея логотерапии-психотерапии, которая признает духовную, смыслообразующую активность человека, чрезвычайно значима для понимания закономерностей смыслообразования человека. Смысл жизни не сводим ни к принципу удовольствия, ни к воле к власти. То есть В. Франкл признает «здоровым», «нормальным» лишь один «вариант жизни», а именно – «жизнь – служение».

По оценкам социологов, около 20 % невротических расстройств («ноогенный невроз») в современном индустриальном обществе вызваны потерей смысла жизни. Основным фактором этого, в соответствии с теорией В. Франкла, является экзистенциальная фрустрация (вакуум), когда человек в силу разнообразных причин утрачивает смысл жизни, когда блокируются его воля, стремления к отысканию конкретного смысла в личном существовании. В. Д. Менделевич пишет, что невротические расстройства, «ноогенные неврозы возникают не из конфликтов между влечениями и сознанием, а из конфликтов между различными ценностями (моральные конфликты), из духовных проблем и в первую очередь из-за утраты осмысленности существования» [15].

Формы и показатели проявления ноогенного невроза могут быть самыми различными, поскольку закономерность индивидуализации в феноменологии потери смысла жизни особенно четко проявляется. Например, у некоторых людей это может быть состояние скуки как результат пресыщения своей внешне «бурной жизнедеятельности», направленной на обогащение, власть, сексуальные изыски. У других – как форма апатии, безнадежности, утраты веры в возможность жить полноценной жизнью, как разновидность нигилизма – представления «бытие не имеет смысла вообще» [15].

Таким образом, поиск осознанных смыслов жизни есть все основания рассматривать в аспекте преодоления действия разрушающих психологию человека факторов. Для избегания ноогенного невроза должен быть обнаружен смысл многих явлений: долга, служения, любви, страдания. Причем это важно для понимания и оценки жизни людей не только в экстремально тяжелых условиях, но и, как ни странно, при избыточности материальных благ, при центрации человека только на их потреблении, а не созидании, при отсутствии стремления к духовно наполненной жизни.

Этюд методологического анализа отношения человека к вещному миру в структуре психологии разрушения коммуникативных связей

Природный и рукотворный вещный мир обеспечивает удовлетворение всех жизненно важных потребностей человека. Присвоение индивидом общественно выработанного человечеством опыта изготовления «вещного» мира и использование его в жизни составляют основу психического развития человека. «На основе предметного действия формируются все психические процессы, поэтому понять предметное действие – означает понять развитие» [16, с. 215]. «Процесс развития – это самодвижение субъекта благодаря его деятельности с предметами...», – пишет Л. Ф. Обухова [16, с. 192]. Предметная деятельность определяет уровни и возможности ориентировочной деятельности человека, значимо сказывается на развитии творческого потенциала, служит мощным фактором становления саморегуляции. (Вещный мир составляет основу художественной культуры человека. О созидательной роли прикладного искусства, красоты и гармонии окружающего предметного мира написаны тысячи томов. Можно согласиться с мнениями их авторов о существовании у человека врожденного «вечного зова» к некоторым геометрическим формам типа «золотого сечения» Леонардо да Винчи. Не случайно получили широкое распространение в арттерапии технологии работы с предметами прикладного искусства и элементами архитектурного ландшафта как способа проекции гармонии внешнего мира на внутренний мир человека, находящегося в состояниях психологического разрушения.) Исходя из этого, овладение технологиями, правилами, этическими нормами действия человека с предметным миром при определенных благоприятных условиях воспитания и обучения являются значимым фактором развития человека, а неблагоприятных – разрушающим. Нарушения в сфере взаимодействия с вещным миром опасно для становления личности не только самого человека (его беспомощности, паразитирующего образа жизни), но и для других людей (превращение другого в «статус прислуги»). Диспропорция в сферах потребления и творения в современном обществе – причина социального расслоения, угроза неразумного расточительства, потребительского отношения к материальным и природным ресурсам, создание глобальных экологических проблем. (Например, «философия одноразового использования», принесшая позитивные плоды, обернулась разрушением бережливого отношения людей к природным ресурсам, изменением отношений к качеству производимых товаров – производить длительного пользования товары стало невыгодно.)

Доминирование мотивации только потребления, но не созидания – системообразующий фактор психологии разрушения. М. С. Гусельцева с позиций анализа метафизических

глубин пытается доказать, что одной из основных причин гибели древних цивилизаций, исчезновения многих культур является доминирование мотивации потребления. Для доказательства этого автор использует метафору А. Меня в его проповеди «О познании Добра и Зла», в которой он истолковывал притчи об искушениях Христа в культурологическом контексте. «Преврати камни в хлебы» – было первое искушение, означавшее, что во главу угла поставлено обещание материальных благ – соблазн развитых цивилизаций. Ради сытости и благополучия человек может поступиться многими духовно-нравственными ценностями (принципиальностью, совестью, честью, свободой). «Когда человек ищет не смысла жизни, а только ее благ, то происходит изменение его личности: возрастание эгоизма, притупление чувств, опустошенность. Люди „культуры падения“ привыкают довольствоваться „хлебом“ и „зрелищами“, более того, эти культуры посредством средств массовой информации поддерживают мотивации, деформирующие человеческое развитие, но делающие удобным управление такими людьми» [1, с. 19–20].

Доминирование только материального потребления является фактором возникновения духовно-нравственного вакуума у людей, заикливающих на идеологии материального успеха любой ценой, когда люди в основном заняты накоплением материальных благ и забывают о душе. «Человек не в силах вынести земного благополучия, – писал С. Н. Булгаков, – ему дана только борьба, только крест, и когда он землю проклятия, которая так глубоко пропитана потом и кровью, превращает для себя в удобную постель и покойную подушку, забывая обо всех противоречиях своего бытия, он опускается и пошлеет» [цит. по 1, с. 20]. (Например, на место разрушенной мотивации достижения материального успеха путем трудовых усилий, телевизионные передачи типа «Кто хочет стать миллионером» формируют мотивацию достижения материального успеха путем эмоционально развлекательных игр.)

Одним из механизмов, разрушающим отношение человека к вещам, следует назвать утрату интимизации человеком окружающего предметного мира. Термин «интимизация» (фр. *intime*, лат. *intimus* – глубокий, внутренний, личный, сокровенный) используется в психологии при анализе процесса вхождения человеком в новую жизненную ситуацию. Интимизация, как особое притязание человека, начиная с раннего детства, на предметы, как потребность окружать себя ими и выражать себя через них, чрезвычайно значим в развитии ребенка [17, 18]. Сущность интимизации вещей как фактора развития заключается в том, что человек находит дополнительные силы для адаптации к новому для него миру людей, вещей. (Вандализм мигрантов часто объясняют именно отсутствием у них такой интимизации.) Интимизация вещей может иметь различные формы и способы. Например, форму *привычки* как переживание стабильности, устойчивости, постоянства внешнего мира, *притязания* на определенные предметы – бытовые, производственные и т. д., *компенсации* в удовлетворении потребности в общении с близкими людьми. Интимизация предмета может возникнуть как память о близком человеке, как следствие пережитых эмоциональных состояний или как отношение к продукту собственного напряженного усилия по изготовлению этого предмета.

Таким образом, удовлетворение материальных потребностей человека – это сложнейшая система эмоционально окрашенных отношений, включенность в коммуникативную деятельность, закономерно приобретающую нравственные параметры. Личностный смысл предметов побуждает человека к бережному, разумному отношению к ним и может способствовать предотвращению распространившегося во всем мире вандализма как одного из значимых факторов психологии разрушения современного человека.

Вандализм – форма девиантного поведения человека, в ходе которого уничтожаются или оскверняются предметы искусства, культуры, общественного или частного имущества.

Вандализм – это не просто проявление отношения к вещам, а скрытая форма девальвации коммуникативных связей между людьми разного возраста и различного социального статуса. Многими исследованиями доказано, что вандализм – это проявление особой мотивации поведения: озлобленности, протеста, агрессии, признака готовности к насилию, правонарушению, преступлению (Donnermeyer J. F. (UFS) опубликовал у себя в блоге материал о так называемой “теории разбитых окон”, суть которой заключается в том, что вандализм и мелкие правонарушения ведут за собой рост преступности в обществе. В данной статье на примере Нью-Йорка 80-х годов рассказывается о том, что вандализм и граффити являются одной из причин увеличения количества правонарушений. «В 1980-х годах Нью-Йорк представлял собой ад. Там совершалось более 1500 тяжких преступлений каждый день. 6–7 убийств в сутки. Ночью по улицам ходить было опасно, а в метро рискованно ездить даже днем. Грабежи в метро были обычным делом. Грязные и сырые платформы едва освещались. В вагонах было холодно, везде валялся мусор, стены, потолок сплошь покрыты граффити».) Выделяют несколько видов современного вандализма: *бессознательный*, возникающий из-за невежества, интеллектуальной ограниченности человека; *осознанный*, организованный, спланированный, технологически разработанный, приуроченный к особым событиям. Например, при описании феномена «граффити» указывают, что это символ краха государственной системы управления. Эти виды вандализма широко используются как дополнительный мощный фактор почти всеми современными технологиями («управляемый хаос»), направленными на разрушение экономических, политических и социальных структур [19, 20]. Виды вандализма выделяют в зависимости от целеполагания действий вандалов, например, «*преднамеренный, непреднамеренный, случайный*»; *материальный вандализм* (разрушение и осквернение церквей, святых мест, памятников культуры, архитектуры, ценных природных объектов). Особо значимый для личностного разрушения *духовный вандализм* (разрушение религии, веры людей); *системный вандализм* (разрушение систем ценностей, систем образования, воспитания, общественных связей и др.). А. С. Скороходова отмечает, что в последние десятилетия появился новый вид вандализма, когда разрушается что-то «при переделе имущества, при захвате чужих территорий, когда память о прошлом этих объектов «стирается с лица земли» [21]. Провести грани различия между всеми этими видами вандализма довольно сложно, так как они имеют одинаковый результат – разрушение окружающей среды и наносят значительный психологический вред другим людям.

В аспекте методологического анализа факторов разрушения важно выделить следующие характерные особенности вандализма: проявление в грубых формах уничтожения чего-то, что расценивается вандалом как нечто ему противоречащее, ненавистное, вызывающее дух протеста; сопровождение актов вандализма особым отрицательным эмоциональным накалом, поведенческими реакциями, носящими характер даже некоторой иррациональности, жестокости, цинизма; стремление сделать разрушение особенно унижительным образом для тех, кому эти вещи особенно дороги. (Например, храмы, могилы почитаемых людей, памятники, ритуальные места, святые для поминания прошлого и т. д.)

Провоцирующим моментом в проявлении вандализма всех его видов и форм является подражание, групповые действия. Важнейшая характеристика вандализма – присутствие сообщников. Одной из особенностей вандализма, опасной для личности и в целом всего социума, является то, что совершенные несколько раз безнаказанно групповые модели разрушительного поведения, по причине особой заразительности группового эмоционального состояния, могут в дальнейшем повторяться в усиленной форме. Результаты исследований отечественных и зарубежных психологов конца XX в. показали, что большинство актов

вандализма совершается молодыми людьми, причем пик проявления фактов вандализма приходился на 11–13 лет. Однако за последнее десятилетие, по статистическим данным, значительно изменился не только характер проявления вандализма, появление его новых видов и форм, но и возросло количество его проявления людьми более зрелого возраста. (Например, немецкие криминологи отмечают, что доля лиц старше 21 года среди задержанных за нанесение материального ущерба весьма значительна и составляет 48,4 %. Л. Шэннон провел ретроспективный анализ подросткового вандализма в преступной карьере. По данным его исследования, те, кто задерживался полицией за вандализм в возрасте от 6 до 17 лет, к 21 году имели более серьезную преступную карьеру [19].)

Акты вандализма, как правило, имеют тяжелейшие психологические последствия для эмоциональной, ценностно-смысловой, нравственной сферы тех, кто их совершает, и для тех, чьи святыни подверглись поруганию. Всеми исследователями признается, что вандализм потенциально содержит опасность тяжелых форм личностного разрушения людей всех возрастов, их ценностных смысловых ориентаций, мотивов поведения и деятельности, выбора «вариантов жизни», стремлений к творческой активности и созиданию. Разрушение окружающей среды ассоциируется у многих людей с опасностью и нестабильностью, вызывает чувство страха, безнадежности. Например, в исследованиях А. С. Скороходовой выяснилось при опросах молодых семей, что вандализм может тормозить даже принятие ими решения о рождении в семье ребенка, поскольку акты вандализма воспринимаются как симптом социальной деградации, порождают беспокойство, чувство страха и уязвимости. Ощущения беспорядка и упадка, в свою очередь, провоцируют дальнейшие деструктивные действия, увеличивают вероятность новых разрушений, меняют идентификацию личности, создавая ассоциации с низким социальным статусом [21]. Люди, чье имущество подверглось разрушениям со стороны вандалов, испытывают повышенный страх оказаться жертвой насильственных преступлений. Хорошо известно, что у жертв вандализма возникает также желание отомстить и усиливается подозрительность и враждебность по отношению к людям в целом. Некоторые виды вандализма, например порча культурных символов, надписи, содержащие агрессивные высказывания в адрес отдельных национальных групп, могут провоцировать межэтнические конфликты.

Когда состояние напряженности всех сфер бытия, ситуации, разрушающие психику человека, становятся повседневными, многие авторы указывают на то, что требуется не только разработка методов изучения психологии разрушения, но и подготовка специалистов к решению этих проблем [4, 5, 11, 22]. Причем на методологических позициях, исключающих разрозненное изучение психологии развития и психологии разрушения, потому что в природе они закономерно взаимосвязаны. И как невозможно изучать их изолированно, так невозможно без учета их взаимных переходов осуществлять психологическую практику.

В методологии психологического разрушения как особой отрасли психологического знания необходимо выявить специфику законов разрушения и разработать стратегию деятельности психологов в пространстве факторов, разрушающих жизненные смыслы, ценностные ориентации, личностные конструкты людей современного социума. Необходимо разработать технологию оказания психологической поддержки людям, переживающим или пережившим факты разрушения и создать психопрофилактическую систему формирования конструктивных отношений людей к разрушающим социальным тенденциям.

Список литературы

1. Гусельцева М. С. Психология и история: культурно-психологическая эпистемология // Методология и история психологии. 2010. Т. 5, вып. 2. С. 7–22.

2. Кара-Мурза С. Г. Манипулирование сознанием // *kara-murza manipulyaciya coznaniem.php*
3. Мещерякова Т. В., Герасимова О. В. Смена поколений, или Проблема формирования ценностного сознания будущего врача // *Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin)*. 2013. Вып. 11 (139). С. 173–182.
4. Чиркова Т. И. Психология разрушения: контуры методологического анализа // *Известия РАО*. 2012. № 3. С. 99–106.
5. Чиркова Т. И. Методологический анализ психологической теории (на примере психологии развития и разрушения) // Т. И. Чиркова. *Методологические основы психологии: учеб. пособие к практ. и семинар. занятиям*. М.: Вузовский учебник: ИНФРА-М, 2013. С. 184–236.
6. *Философский словарь* / под ред. Г. Шишкоффа. 22-е изд. М.: Республика, 2003. 576 с.
7. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975. 304 с.
8. Аванесов С. С. Вступительное слово к дискуссии: Что такое жизнь? (философские, биологические, геологические и историко-культурные контексты). Круглый стол ТГУ, 31 марта 2010 г. // *Вестн. Томского гос. ун-та. Философия. Социология. Политология*. 2010. № 4 (12). С. 147–166.
9. Бассин Ф. В. К развитию проблемы значения и смысла // *Вопр. психологии*. 1973. № 6. С. 13–24.
10. Соколова Е. Е. Есть ли будущее у теории деятельности? // *Вопросы психологии*. 2011. № 4. С. 129–140.
11. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 1999. 487 с.
12. Чудновский В. Э. К проблеме адекватности смысла жизни // *Мир психологии*. 1999. № 2 (18). С. 74–80.
13. Дружинин В. Д. Варианты жизни. Очерки экзистенциальной психологии. М.: Пер Сэ; СПб.: ИМАТОН, 2000. 135 с.
14. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 367 с.
15. Менделевич В. Д. Невротические расстройства: определение и теории невротогенеза. [http:// www.psycholok.ru /lib / mendelevich /nrotn /nrotn_08.html](http://www.psycholok.ru/lib/mendelevich/nrotn/nrotn_08.html)
16. Обухова Л. Ф. Детская психология: теории, факты, проблемы. М.: Тривола, 1995. 360 с.
17. Чиркова Т. И. Психолог в материнской школе (вопросы теории и практики). Н. Новгород, 1999. 248 с.
18. Pikler Emmi. *Friedliche Babys-zufriedene Mutter. Padagogische Ratschlage einer Kinderarztin*. Herderbucherei. Herder-Freiburg-Wien, 2009. 222 S.
19. Shannon L. W. The role of vandalism in delinquent careers // *Vandalism: Behavior and motivation* / ed. by C. Levy-Leboyer. Amsterdam: Hoth-Holland, 1983.
20. Donnermeyer J. F., Phillips G. H. Vandals and vandalism in the USA // *Vandalism: Behavior and motivation* / C. Levy-Leboyer. Amsterdam: Hoth-Holland, 1983.
21. Скороходова А. С. Вандализм. [http:// www.gumer.info/ bibliotek Buks /Sociolog /Skoroh /Vandal.php](http://www.gumer.info/bibliotek/Buks/Sociolog/Skoroh/Vandal.php)
22. Жигинас Н. В. Педагогические условия формирования и преодоления акмеологического кризиса идентичности у студентов вуза // *Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin)*. 2012. Вып. 6. С. 210–214.

Чиркова Т. И., доктор психологических наук, профессор.

Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина.

Ул. Ульянова, 1, Нижний Новгород, Россия, 603950.

E-mail: tm.ch@mail.ru

Материал поступил в редакцию 27.12.2013.

T. I. Chirkova

ETUDES OF THE METHODOLOGICAL ANALYSIS OF THE FACTORS OF DESTRUCTION PSYCHOLOGY

The necessity of the special discipline “destruction psychology” for psychologists training is substantiated. The fundamental factors of the destruction psychology are given on the basis of the methodological analysis of the researches: the loss of the sense of life - existence vacuum; dominance of the motivation of the material consumption at the expense of the spiritual development and creativity.

Key words: *methodology of destruction psychology, destruction factors, existence vacuum, noogenic neurosis, dominance of consumption relations, vandalism, devaluation of communicative relationship.*

References

1. Guseltseva M. S. Psychology and history: cultural-psychological epistemology. *Methodology and history of psychology*, 2010, vol. 5, issue 2, pp. 7–22 (in Russian).
2. Kara-Murza S. G. *Manipulation of consciousness*. Moscow, Eksmo Publ., 2000. 864 p. (in Russian).
3. Meshcheryakova T. V., Gerasimova O. V. The change of generations or the problem of shaping the awareness value of future doctor. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2013, vol. 11 (139), pp. 173–181 (in Russian).
4. Chirkova T. I. Destruction psychology: the contours of the methodological analysis. *Izvestiya RAO*, Moscow, 2012, no. 3. pp. 99–106 (in Russian).
5. Chirkova T. I. Methodological analysis of the psychological theory (on the example of the developmental psychology and destruction psychology): from *Methodological basics of psychology: training manual for practical and seminar lessons*, Moscow, Vuzovsky uchebnik, INFRA-M Publ., 2013, pp. 184–236 (in Russian).
6. Schmidt H., Schischkoff G. eds. *Philosophisches Wörterbuch*. 21st edition. Stuttgart: Kroner, 1982. 576 p. (Russ. ed.: *Filosofsky slovar'*. Pod red. Georgi Shishkoffa. 22-e izd. M., Respublika Publ., 2003. 576 p.).
7. Leontev A. N. *Activity. Consciousness. Personality*. Moscow, Politizdat Publ., 1975. 304 p. (in Russian).
8. Avanesov S. S. The introduction to the discussion: What is life? (philosophical, biological, geological, historical and cultural contexts). «Round table» in Tomsk State University, March 31, 2010. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 2010, no. 4 (12), pp. 146–166 (in Russian).
9. Bassin F. V. To the development of the problem of meaning and sense. *Issues of Psychology*, Moscow, 1973, no. 6, pp. 13–24 (in Russian).
10. Sokolova E. E. Is there a future for the theory of activity? *Issues of Psychology*, Moscow, 2011, no. 4, pp. 129–140 (in Russian).
11. Leontiev D. A. *Psychology of sense: nature, structure and dynamics of sense reality*. Moscow, Smysl Publ., 1999. 487 p. (in Russian).
12. Chudnovsky V. E. To the problem of adequacy of the meaning of life. *The World of Psychology*, Moscow, 1999, no. 2 (18), pp. 74–80 (in Russian).
13. Druzhinin V. N. *Variants of life: Essays on existential psychology*. Moscow, Per Se Publ., 2000. 135 p. (in Russian).
14. Frankl V. E. *Man's Search for Meaning*. Boston, Beacon Press, 2006. 367 p.
15. Mendelevich V. D. *Neurotic disorders: definition and theory of neurogenesis*. URL: http://www.psychol-ok.ru/lib/mendelevich/nrotn/nrotn_01.html (in Russian).
16. Obukhova L. F. *Child psychology: theories, facts, and problems*. Moscow, Trivola Publ., 1995. 352 p. (in Russian).
17. Chirkova T. I. *Psychologist in maternal school (questions of the theory and practice)*. Nizhny Novgorod, NIRO Publ., 1999. 248 p. (in Russian).
18. Pikler Emmi. *Friedliche Babys-zufriedene Mutter. Padagogische Ratschlage einer Kinderarztin*. Herderbucherei. Herder-Freiburg-Wien, 2009. 222 S.
19. Shannon L. W. The role of vandalism in delinquent careers. *Vandalism: Behavior and motivation*. Levy-Leboyer C. (Ed.), Amsterdam, Hoth-Holland, 1984, pp. 215–228.
20. Donnermeyer J. F., Phillips G. H. Vandals and vandalism in the USA. *Vandalism: Behavior and motivation*. Levy-Leboyer C. (Ed.), Amsterdam, Hoth-Holland, 1984, pp. 149–160.
21. Skorokhodova A. C. *Vandalism*. URL: <http://www.gumer.info/bibliotek/Buks/Sociolog/Skoroh/Vandal.php> (in Russian).
22. Zhiginas N. V. Pedagogical terms of forming and overcoming of acmeological of crisis of identity for students of institution of higher learning. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2012, vol. 6 (121), pp. 205–208 (in Russian).

Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after Kozma Minin.

Ul. Ulyanova, 1, Nizhny Novgorod, Russia, 603950.

E-mail: tm.ch@mail.ru